

НАУКА IN VIVO

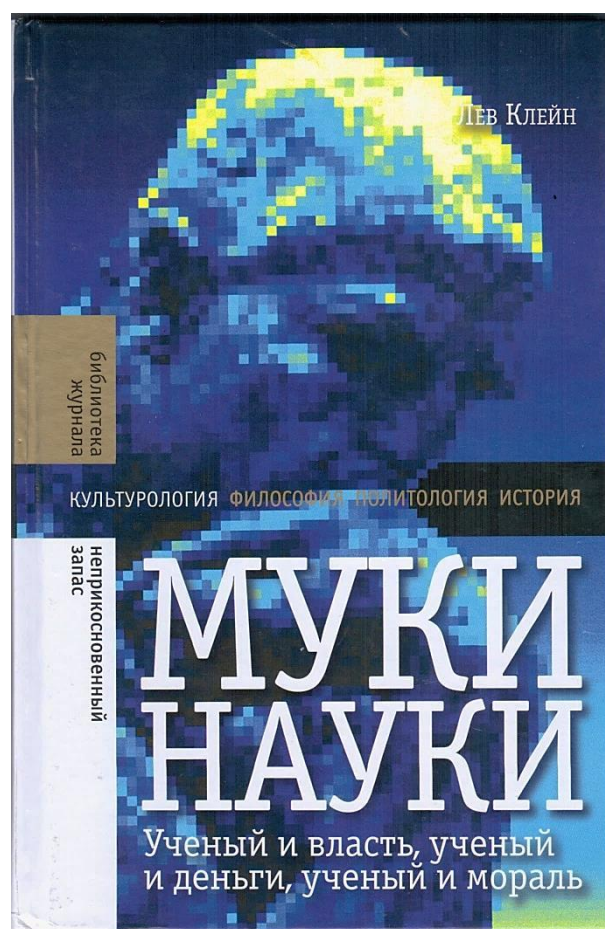
(Рецензия на книгу: Клейн А.С. Муки науки: учёный и власть, учёный и деньги, учёный и мораль. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 576 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас») ¹.

Давайте признаем, что состоявшиеся и дееспособные, практикующие учёные крайне редко отвлекаются на публицистику какого бы то ни было рода. Да что там, даже популярную книжку для широкого читателя по предмету своих академических занятий редко кто из них сочинит, а талантливую — так и подавно. А тут вам не вошедшие в легенду биологи, «охотники за микробами» (как у Поля де Крюи) и не романтические археологи с их сенсационными находками вроде любовных грамот на бересте (как у академика РАН Валентина Янина), а мы сами — пока что здравствующие российские «физики да лирики» (гуманитарии), и те насущные вопросы, которые встают перед всеми нами в связи с политикой, финансами и моралью в постсоветской России 1990–2010-х годов. Этому кругу проблем посвящена очередная книга петербургского археолога и антрополога, теоретика и историка науки Льва Самуиловича Клейна ².

Кстати сказать, и опусы философов да методологов науки до настоящих учёных практически не доходят. В бытность автора этих строк аспирантом философского факультета ЛГУ имени А.А. Жданова Владимир Павлович Бранский, профессор кафедры философии для естественных факультетов, публично заявлял, что по его докторской диссертации о синтезе релятивистских и квантовых принципов были сделаны открытия в самой физике микромира. Не знаю, не знаю, кто и как из учёных читал тогда представителей диалектического и исторического материализмов, но и сегодня в сферу насущных общественных проблем своей собственной науки её представители «выныривают» крайне редко. Иногда дебатировать их при личном общении, максимум — в социальных сетях Интернета. Изредка доверяют свои злободневные суждения журналистам, представляющим печатные да электронные СМИ. А вот чтобы собрать такие свои размышления, мечты и требования в целую книжку, такого я за последние годы у нас в стране и не припомню.

¹ Впервые напечатано в журнале: Эпистемология & философия науки. Научно-теоретический журнал по общей методологии науки, теории познания и когнитивным наукам. Т. II. № 2. М., «Канон+», 2018. С. 95–96.

² Журнал откликнулся на одно из его предыдущих изданий: Тункина И.В., Щавелёв С.П. Мысль об истории мысли: когнитивный портрет развития мировой археологии // Эпистемология & философия науки. Ежеквартальный научно-теоретический журнал. Т. XXXVIII. № 4. М., «Канон+», 2013. С. 235–240.

А вот этот учёный, который, будучи на официальной пенсии с начала 2000-х годов, ежегодно издаёт по две-три-четыре книги да десятков-другой статей по истории, историографии, археологии, антропологии, филологии, истории науки, умудрился-таки собрать свои публицистические эссе о научной жизни для отдельного издания. Причём это не записи «в стол», для собственной памяти и гипотетических потомков, а тексты, которые уже были почти все обнародованы — главным образом в известной и авторитетной в академической среде газете «Троицкий вариант» и на целом ряде других интернет-ресурсов или в бумажных изданиях.

В книге Клейна дюжина разделов: «Наука и власть», «Разгром Академии», «Money, money, money», «Образование», «Brain drain», «Наука и религия», «Ученый и публикации», «Наука и публика», «Научная этика», «Историческая перспектива», «Этничность», «Личное». Объявленная в подзаголовке сборника тематическая группировка очерков, понятное дело, отчасти условна. Как различен и концептуальный вес информационных поводов для всех этих заметок. Но в целом — должен признать всякий непредубеждённый читатель — автору удалось выстроить почти энциклопедическую панораму жизни и выживания сотрудников и академических, и университетских учреждений в постсоветской России.

Самая первая заметка в пухлом томе, в виде исключения, публикуется впервые: ею автор в своё время приветствовал создание в октябре 2007 года российского корпуса независимых экспертов, поначалу в области

физматнаук. В качестве первых экспертов инициаторы тогда выбрали учёных с наибольшим импакт-фактором в Web of Science, те указали на других коллег, коим они доверяют, другие выбрали третьих и... «снежный ком» покатился, чтобы вырасти до нужных размеров. Инициативные физики, думается, хотели не подменить своим проектом остальные экспертные структуры страны, вроде РАН, ВАКа, РФФИ и прочих, а, скорее, дополнить, подстраховать их. В итоге в постскрипуме к заметке подчёркивает Л.С. Клейн, мы к сегодняшнему дню и вправду получили первые совершенно негосударственные, неинкорпорированные никем, кроме профессионалов, центры научной экспертизы в виде таких, как «Корчеватель», «Антиплагиат» и «Диссертнет». Они делают своё полезное дело, однако власти и подведомственная государству наука и высшая школа пока не слишком к ним прислушиваются — по принципу «а Васька слушает, да ест». Впрочем, — подпою я рецензируемому автору, — это не только российская проблема. Найти действительно независимых, не ангажированных ни чиновниками, ни политиками, ни корпорациями экспертов по климату, атомной энергетике, новым инфекциям, революционным биотехнологиям и прочим глобальным проблемам мудрено теперь и на вполне демократическом Западе. Этим же, забегая вперед, стоит отметить, наиболее опасна для общества и государства волюнтарная реформа РАН и замаскированная под выборы чистка её руководства — когда «грянет гром», согласно русской поговорке, «перекреститься» будет некому — негде будет получить объективную, оперативную экспертизу неких предсказуемых сегодня или ещё непредсказуемых угроз... «Прикормленная», «прирученная» властями наука на это уже не будет способна.

Далее Л.С. Клейн сожалеет, и правильно делает, насчёт новых барьеров, вырастающих все последние годы между российскими и зарубежными учёными. В разделе «Возвышение Европы и притязания Евразии» он опять же своевременно предупреждает: «Наибольших успехов добиваются те страны, которые воспринимают граждан ... Республики учёных как своих целителей, учителей и пророков, а не как опасных и чуждых колдунов, обнажающих тайные язвы» (С. 12). Между тем недавние суды над русскими учёными по обвинению в шпионаже в пользу других стран оставляют больше вопросов, чем дают ответов, как именно нужно в самом деле — кто ж сомневается — хранить государственные тайны. А всё новые санкции Запада в отношении России для учёных — «в чужом пиру похмелье». Ведь наука немыслима без широких международных связей, и благодетельный Интернет хотя и понижает, но и не сводит целиком на нет последствия упомянутых санкций именно для учёных. То же самое касается и международных программ образования и академического обмена — без них кадровый резерв отечественной науки быстро оскудеет, при всём богатстве талантами самой по себе русской земли.

Дальше злопамятный Клейн делится собственным богатейшим опытом выживания в тоталитарном и авторитарном социумах — студентом,

аспирантом, доцентом Ленинградского университета имени А.А. Жданова; изгнанником из науки, приглашённым профессором нескольких западных университетов, наконец, свободным исследователем (как сейчас модно обозначать это состояние). Как он в те — сталинские, хрущевские, брежневские, горбачёвские, ельцинские — поры на разные лады убалтывал начальников, партторгов, верноподданных коллег, потенциальных работодателей, и с переменным успехом отводил от себя обвинения в космополитизме, карьеризме и прочих смертных для советского учёного грехах. Эта часть работы носит вполне архивный, историографический характер³. Не буду лишать читателя, особенно молодого, удовольствия и пользы самому прочесть и примерить на себя эти многочисленные рецепты двоемыслия и криводушия. Учёным ведь ничто человеческое не чуждо. Обращу только внимание, что эта часть книжки — «Язык сфинксов, или Мысли между строк» — прямо противоречит пафосу всей книги — вылечить язвы российской науки, искоренить раболепие в новых поколениях исследователей. К тому же новые возможности интернет-общения в принципе обеспечивают нужную степень гласности и откровенности, так что Эзоп с его лукавым языком может отдыхать на просторах фейсбука и прочих социальных сетей... Мне лично ближе заветы другого известного археолога и мыслителя, Александра Александровича Формозова (1928–2009), закатные книги которого похожи по своей тематике на обозреваемую мной сейчас⁴. Формозов завещал нам не превращать жизнь в перманентную гражданскую войну, но всегда взвешивать меру жизненных и профессиональных компромиссов.

Автор этих строк, как и многие другие читатели книжки Клейна, могут поспорить со многими её тезисами, усомниться в целом ряде его выводов. Скажем, тот несколько раз и вроде по делу осуждает, когда первых лиц государства и вообще влиятельных персон приглашают в экспедиции учёных, научные и учебные заведения. С понятными целями похвастаться достижениями и поклянчить средства на продолжение исследований, поспособствовать решению ещё каких-то насущных проблем науки и образования. Если разобраться, то ничего плохого в этой вечной и всемирной практике нет. Наука существует в определённом социуме и от него неизбежно зависит. Без внешнего финансирования нигде и никогда учёные

³ Желаящие могут подробнее познакомиться с действительно захватывающими воспоминаниями автора и моей весьма критичной рецензией на них: *Щавелёв С.П. Участие прогрессора (Л.С. Клейн. Трудно быть Клейном. Автобиография в монологах и диалогах. СПб., Нестор-История, 2010. 730 с.) // Евразийский археолого-историографический сборник. К 60-летию Сергея Владимировича Кузьминых. СПб. – Красноярск, 2012. С. 193–201.*

⁴ См. для сравнения: *Щавелёв С.П. «Как же жить?» Завещание мастера (Формозов А.А. Записки русского археолога (1940–1970-е годы). Текст кн. подг. к изд. М.К. Трофимовой. Москва: Гриф и К, 2011. 290 с., илл.) // Stratum plus. Археология и культурная антропология. Санкт-Петербург, Кишинёв, Одесса, Бухарест. 2017. № 1. С. 347–364.*

не просуществуют. Гении маргиналы вроде математика Гриши Перельмана или археолога Сани Григорьева ⁵ не в счёт, погоды в академиях да университетах они не делают.

⁵ Александр Вадимович Григорьев (1959–2017) — русский археолог. Привожу статью о нём из моего словаря «Историки Курского края»: «Специализация — археология периода становления Древней Руси. Ведущий в стране специалист по роменской археологической культуре Днепровского Левобережья IX – начала XI вв. Уроженец г. Москвы. Официального образования не имеет. Вехи жизни и деятельности (согласно лично заполненной им анкете): "1976–1978 — Центральный государственный архив Советской армии, хранитель фондов (оклад 83 р.); 1978–1986 — Институт археологии РАН, лаборант (оклад 90 р. + 10% за вредность); 1986–1996 — лицо без определённых занятий; с 1996 — музей-заповедник "Куликово поле" (Тула), старший научный сотрудник". В период работы в Институте археологии РАН стал высококлассным реставратором. После увольнения оттуда по инициативе директора Б.А. Рыбакова, продолжил реставрировать археологические коллекции и находки в частном порядке, достигнув в реставрационном деле виртуозности и авторитета среди археологов и коллекционеров древностей (чем и зарабатывал на жизнь). Участник Новгород-Северской экспедиции А.В. Кузы. Кроме него считает своим учителем в археологии В.И. Кулакова. Сам возглавлял раскопки ряда памятников, включая курские. Ныне — научный сотрудник Тульской археологической экспедиции. Автор многих научных статей и двух монографий, посвящённых IX–XI вв. в этнокультурной истории Днепропетровского Левобережья. Столь содержательных публикаций не имеют пока большинство дипломированных историков и археологов, занимающихся средневековой историей Курского края. А.В. Григорьев — редкий в современной науке образец талантливого самоучки, типичного особенно для России самородка. Вместе с тем его научно-практическая деятельность лишней раз демонстрирует вторичность официальных институций в науке и образовании — по сравнению с живым общением специалистов и личной мотивацией к занятиям наукой. Из той же анкеты: "Диссертаций не защищал. Степеней и званий не имею. Наград не дают". Принимал участие в раскопках славяно-русских памятников археологии на территории Курской области. Фактические материалы отсюда занимают видное место в его многочисленных статьях и двух монографиях о роменской археологической культуре. В этих работах прояснены многие ключевые вопросы происхождения, материальной культуры, внешнеторговых связей, социально-политического устройства славян роменцев, их экономических и политических взаимоотношений с соседями, включая Киевскую Русь. Уточнил истоки формирования, этапы существования и финал роменского социума на территории Курского Посеймья. Некоторые его предположения относительно отдельных сторон роменской культуры нуждаются в критическом обсуждении» (С. 101–102).

Разумеется, свой дилетантизм Григорьев, отвечая на мою анкету для словаря, преувеличил. Какой-то школьный аттестат ему помогли сделать влиятельные родители, да и на заочном, кажется, отделении истфака МГУ он поучился. Из Института археологии его вытурили чуть ли не по жалобе А.А. Формозова в дирекцию — после того, как Саня (по фольклорной среди археологов версии) ухитрился пропить собранные сотрудниками на подписку периодических изданий деньги... Хотя потом Григорьев действительно умудрился внести заметный вклад в науку, упорно избегая её официальных структур.

*Ещё живой А.В. Тригорьев на раскопках.
Фото из некролога на сайте музея-заповедника «Куликово поле».*

То есть там, где этих самых гениальных перельманов-одиночек и учат, собственно говоря, готовят к подвигам альтруизма. Клейн прав по форме общения учёных и властителей — она должна быть паритетной, а не раболепной, но по существу изгой из науки, одиночка не вправе осуждать организаторов той же науки за контакты с властями и спонсорами. Тем паче что и сам критик таковых контактов не избегает, иначе ему было бы нипочём не издать столько замечательных томов за последние годы. Более убедительны, на мой взгляд, наблюдения Л.С. Клейна над темой «Учёные как класс». Отвергая сталинское определение интеллигенции как «прослойки» между настоящими классами и признавая общесословные потребности учёных в достойном жилье, здравоохранении, образовании, финансировании, охране от произвола, автор справедливо определяет специфические нужды научной интеллигенции в «свободе мысли, слова и совести. ... Отсюда следует, что вольнодумство, либерализм, есть главное и неизбежное направление политической деятельности, органически присущее учёным как социальной группе. ... Экономические программы могут быть и у учёных, так что задачи могут совпасть как с правыми партиями, так и с левыми, да и с идеей государственного регулирования. Но прежде всего нужно отстаивать свободу мысли. С этим их желанием совпадают настроения подавляющего большинства общества» (С. 35). Самое последнее предложение в этой декларации далеко не очевидно, а под остальными можно, пожалуй, и

436

подписать всем равнодушным к перспективам российской науки коллегам.

Можно «легко», «без вопросов» (как говорят наши студенты) накатать ещё десяток-другой страниц рецензии на пятьсот с лишним страниц публицистики Льва Самуиловича Клейна. Что-то похвалить, чем-то на этих страницах восхититься, а что-то поругать, чем-то ужаснуться. Но моя задача другая — обратить внимание коллег учёных, прежде всего гуманитариев, особенно замордованных нынешними условиями и реформами науки да образования, на эту незаурядную книжку. Имейте её в виду, укажите на неё своим ученикам. И вы, и они от этого выиграют.

Потому что итоговое впечатление рецензента от клейновских «Мук науки» у всех нас будет скорее оптимистическое. Хотя в самом названии сборника с первого взгляда читается некий негатив (учёных де власти и публика мучают, и сами учёные мучаются после краха советской «стабильности»), но ведь эти самые «муки» бывают не только от страданий, но и при наслаждениях... Как это издревле говорится, «per aspera ad astra». Русским учёным всегда жилось труднее, чем их иностранным коллегам — так распорядилась всемирная история. И это не мешало им становиться вровень с мировой наукой, а то и опережать её. Такая смелая, местами эпатажная книжка, как рецензируемое издание, в приснопамятные времена тоталитаризма, да и авторитаризма советского вызвала бы на голову её автора (и тем более рецензента) громы и молнии властей и сервильных коллег. А то, что сегодня читатели — и сами учёные, и руководители науки — воспринимают её спокойно, эдак снисходительно, это даже хорошо. Остаётся надежда, что неизбежный в нашей всё время модернизируемой стране ущерб науке и учёным удастся в какой-то мере уменьшить. При том, конечно, условии, что не один Лев Самуилович Клейн, но и многие другие представители научных специальностей и школ проявят столь же громогласно свою гражданскую позицию.

P.S. Не могу не отметить в заключение, что в 2017 году автору рецензируемой книги Льву Самуиловичу Клейну исполнилось 90 лет. Коллеги археологи достойно отметили этот юбилей подобающими публикациями в своих центральных журналах — «Российская археология» (Москва), «Археологические вести» (Санкт-Петербург), «Археология» (Киев) и некоторых других, а виновник торжества получил благодарственное письмо от президента РФ В.В. Путина.